

ЗАБЫТЫЙ ЮБИЛЕЙ...

не значит: вычеркнут из памяти, — и про иное

(По страницам юбилейного, № 85, выпуска альманаха
«Новый Енисейский литератор»)

Восемьдесят пять выпусков альманаха — это не возраст «Сибирских огней» и даже «Енисея», но и не мальчишеский. Между тем удалось-таки ему «из-за острова на стрежень, на простор речной волны» выплыть и преуспеть в немалом.

«Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни, — восхищался Антон Павлович, — я не видел реки великолепнее Енисея... могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость». И вот сто тридцать с лишним лет погодя, вслед за классиком, уже руководитель нового альманаха писатель Сергей Кузичкин на своём капитан-редакторском мостике рассуждает, что «всё приходящее — недолговечно, а всё уходящее — безвозвратно... между уходящим и приходящим наша жизнь: секунды, минуты, часы и дни, и в эти мгновения... мы и суетимся, стараемся делать: писать, читать, общаться».

Доподлинно так, — кто поспорит? — и по свежему, так сказать, следу автор этих строк готов общаться и «делать хоть что-нибудь»... В последнем номере ушедшего года один из ведущих разделов альманаха — «По ватерлинию» — рассказывает о человеке с целым букетом талантов не одного рода, но прежде об известной фигуре авторской песни — Валерии Кузнецове (1942—2014). О, эти круглые и не так чтобы очень юбилеи — даже «с верхом» наполненные летами, они случаются неблагоприятно забытыми. Правда,

через какие-то полвека или чуть больше песни забытых авторов нередко продолжают жизнь, но уже со статусом народных. Будто провидя печальную участь своего недалёкого *завтра*, где с его смертью не только прервётся высокий полёт жизни, но и придёт забвение всего когда-то сущего, ему дорогого, за два года он напишет *«Песню Франсуа Де Лож Вийона из Монкорбье...»* с такими строками: *«Вряд ли потомки будут много умнее меня, / Вряд ли они забудут меньше, чем сохранят...»*

Пронзительный смысл этих щемяще грустных строк пробуждает в памяти полный тоски и горечи монолог в келье горного монастыря молодого чужеземного монаха из «Мцъри» Лермонтова: *«Ты слушать исповедь мою / Сюда пришёл, благодарю. / Всё легче перед кем-нибудь / Словами облегчить мне грудь...»* Да нужно ли было взывать к гению Михаила Юрьевича, чтобы подкрепить ранее приведённые строки «Песни», если в ней боготворимый Валерием Кузнецовым лирический герой, поэт позднего средневековья Франсуа Вийон, не без сожаления заключает: *«Я почувил довольно, всё это было давно. / Было мне очень больно — вам было просто смешно... / Люди живых боятся — на мертвецов им плевать. / Видно, пора мне, братцы, лавочку закрывать...»*

Журналист по образованию, а по Божьему велению поэт и просто музыкально одарённая личность (в интервью «Городским новостям» в 1997 году говорил, что это от отца), Валерий Вениаминович признавался, что не счесть, сколько написано им авторских песен. Да, для полного реестра написанного не достанет приличного свитка писчей бумаги. Помимо всего, отличала песнопевца беспримерная осведомлённость в классической литературе, причём, не одной отечественной. Он знал, помнил, читал и такие строки его любимого классика средневековья: *«Я знаю, как на мёд салятся мухи, / Я знаю смерть, что рыщет, всё губя, / Я знаю книги, истины и слухи, / Я знаю всё, но только не себя».*

По сути, так называемая многожанровая жизнь Валерия Кузнецова — это переложённая на песни его духовная биографии. Родившийся пятого марта 1942 года в Нижнем Тагиле, по окончании Уральского государственного университета стал журналистом. С 1968 по 1971 год жил и работал в столице Эвенкии — посёлке городского типа Тура на Нижней Тунгуске.

«Этого Валерий Кузнецов страстно добивался ещё на распределении — пишущего, его манил заполярный Север! Но Валерий Кузнецов не был бы самим собой без крутых поворотов в жизни вслед её новым интересам и открытиям. Этим

и стала для него... милицейская служба — сначала в уголовном розыске Эвенкии, а потом в краевом однопрофильном управлении участковым милиции, инспектором по делам несовершеннолетних. Но оставался он всегда журналистом. Им написано около полутора сотен авторских песен — ироничных, весёлых, философских. Из них немало звучало по краевому радио и телевидению». Так в некрологе о нём писал авторитетный «Красноярский рабочий», где бывший майор милиции вёл страничку «Краевед». В том скорбном сообщении газета писала: *«Редкий человек, он вмещал в себя столько всего, был так разносторонне талантлив, так „жаден“ до людей, новых стихов и до трепетно чтимой, всегда интересной ему истории Красноярья»*. Талантливый человек талантлив во всём, за что бы ни брался. Захваченный в плен авторской песней, всегда ироничный к себе, Валерий Кузнецов на концертах, встречах со зрителями уже не по разу признавался: дескать, не сложилось ни в милиции у него, ни в журналистике. Конечно, сложилось, да как ещё! Вместе с другими известными стране классиками авторской песни нашим достоянием стало и написанное им.

В уходящем году, который вот-вот станет историей, ему исполнилось бы восемьдесят — дотяни он до своего круглого юбилея. В ноябрьском альманахе напечатаны шесть строф его не так известной, но своего рода итоговой «Коды», которая подводит черту его творческому пути. Если к её величеству Жизни относиться не в общем, а, сиречь, как к созиданию, то по жанру и направленности больше должна напоминать литературное либо музыкальное произведение, и век человека тогда представляется в виде не то бурлеска, не то театрального шоу, не то злой сатиры — похоже, не самые светлые стороны этого жития-бытия и правят нынче бал на пресловутом коллективном Западе.

...В общем и целом в культуре нашего края он если и остров, то, к всеобщему стыду, мало изученный, и озаботиться этим, видимо, некому ни в красноярском Союзе писателей (В. И. Замышляев), ни в краевом министерстве культуры (А. В. Зинов) — что уж там говорить об организации фестивалей его памяти. Хотя около тридцати лет назад, в 1993 году, в небезызвестной «Дидактической песне о судьбе» этот от Бога талантливый человек сказал: *«Я чашу жизни сам себе наполнил, / Оставив сожаленья на потом...»* Понятно, фигура поэтической речи, но, по правде, не всю ли жизнь Валерий Кузнецов наполнял эту чашу для нас, и только для нас?

Цветы запоздалые и светлой памяти Леониду Сергееву. Вторую половину минувшего столетия и первую нынешнего авторскую песню всегда отличала бодрая и уверенная поступь в жизни. Увы, поверки наличного состава песнопевцев в стране показывают, что неумолимо редеют ряды их не одним нашим краем. Помимо ушедшего у нас восемь лет назад Валерия Кузнецова, не стало нынешним летом и лауреата «Грушинки», Всесоюзного, сегодня Всероссийского, фестиваля авторской песни памяти Валерия Грушина, — радиожурналиста, телеведущего из Москвы Леонида Александровича Сергеева. Так что в этом номере читателя «Нового Енисейского литератора» ждут публикации на тему одного рода, с той, правда, разницей, что вторую, о смерти известного московского барда, редакция альманаха разместила в рубрике чуть покруче — «От истока до устья. Уроки классиков».

Как и у Валерия Кузнецова, тематика песен его московского сотоварища по перу и гитаре в своём большинстве тоже «прикольная», но много песен у Леонида Сергеева не только общественно-сатирических — есть и снискавшие себе известность сурово-патриотические. По признанию одного из друзей Сергеева, он — автор лучшей песни о войне («Рассказ ветерана», или «Колоколенка»). Есть и лирическая, не без печали, но светлая песня «Трамвайчик». По выражению самого Леонида Александровича, она «несёт на себе лёгкий признак сумасшествия — писалась целых двадцать пять лет». В нынешнем номере «НЕЛ» печатается её текст, а вживе и в музыкальном «облачении» послушать оную, как, впрочем, и «Колоколенку», можно в Интернете на сайте литклуба ТВ «Гостиная».

В самом большом и всегда востребованном разделе альманаха «Попутный ветер» («Над Енисеем») не может не остановить на себе внимания тема, да какая — бессмертная, гоголевская: «Чичиков — человек на все времена». Осмелюсь обозначить жанр текста Бориса Ощепкова как эссе и остановиться на таком выборе. Предложенное автором альманаху, оно формально ни к чему не приурочено и ни к чему с иной целью не подвёрстано, да и вроде не на такую уж злобу дня — жизнедеятельность известного литературного типа. Забегая вперёд — у Василия Шукшина в рассказе «Забуксовал» деревенский механик по имени Роман Звягин Чичикова не иначе как хмырём не называет.

И всё-таки, прежде чем про «лучшего мошенника и подлеца в русской литературе», — коротко о том, что же такое эссе. На французском (буквально *опыт, набросок*) — это

разновидность очерка, и если о подобном и прижившемся у нас варианте названия — то к месту говорить тогда об этюдах, эскизах, коим несть числа в изобразительном искусстве.

Но — о прочитанном. Персонажей в «Мёртвых душах» — пруд пруди, но из их плеяды не менее выразительных, чем Чичиков, автор эссе всё же предпочёл как раз его. Вопрос: для чего и зачем? По причине большей, чем остальные, живучести и непотопляемости? В какой раз приятно думать, что не сродни и по духу не близок великому писателю читатель, о коем другой, тоже классик, но более поздней поры, А. И. Куприн, в «Кадетах» сказал эдак: «С небольшими способностями, но весьма старательный». Будем честны, по другому поводу сказал, что бывает де читатель и прилежный, исправный, даже вдумчивый, да не проницательный.

Упомянув только о зле коррупции в наши 2020-е годы и только пунктирно проведя историческую параллель между временами Гоголя и нынешними, Борис Алексеевич заявляет «под занавес», что «в современной части российского общества» Чичиковы — сплошь и рядом. Тут бы для пущей раскрываемости обозначенной темы эссе побольше эскизных набросков постылой жизни, причём набросков живых и самим сделанных, а не почерпнутых взаймы из одиннадцатой главы «Мёртвых душ» Николая Васильевича, да «жесть» сегодняшних буден автора нимало не беспокоит. Вместо этого — старательное изложение прочитанного без какого-то уклона к нынешней послесоветской жизни и без упоминания о ней! А оно, дружба, нам надо такое?!

Конечно, в привычном понимании это не эссе — тогда что же? *Сочинительство* в виде *компиляции*. А это не что иное, как *трансляция*, *пересказ* чьих-то мыслей, взглядов, кои за собственные выдавать нельзя, но хочется — значит, можно, сиречь опять короткое *изложение* всего, о чём говорится, например, в той же одиннадцатой главе. Словом, в грубом смысле — литературное ограбление или кража, но по-учёному — *реферат*, старательно сделанный *пересказ*. *Компиляция* в необидном смысле — это на основе исследования самого Гоголя современной ему жизни, другими словами — опять *изложение* того, о чём в одиннадцатой главе первого тома «Мёртвых душ» уже сказано и что, добавим не без сожаления, ничего нового уму и сердцу почитателей Николая Васильевича не даёт. Впрочем, в утешительном смысле даёт: Даже такого рода эссе

в альманахе — предмет литературного просвещения, всегда не лишняя популяризация классика — не благородное разве дело? Тут к месту вспомнить ещё о так называемом *компендиуме* — тот позволяет кратко излагать ту или иную часть прочитанной классики и как подборку ключевых мыслей и положений в ней делать «выжимку», или экстракт, из большого объёма сведений, для чего, понятно, неплохо бы знать оригинал, видеть текст для работы с ним. Ет цётера (и прочее).

Уф! Признаться, в рассуждениях о том, что такое эссе и что же на самом деле написал Борис Ощепков, автор этих строк испытал некоторое затруднение. К счастью, ещё на памяти литературный семинар писателя С. Н. Кузичкина, на коем был поучительный разговор о нём как о небольшом по размеру очерке, где почти всегда повествуется не о сути поднятых или затронутых вопросов и ждущих на них ответа и не о какой-то возможности быть если не отвеченными и решёнными, то остро поставленными, а не скучно описанными через наблюдения самого эссеиста и через то, что больше всего впечатлило и взволновало его (нередко такое и называют темой эссе).

Не очень вняты в эссе Ощепкова и ответы на вопросы: благо или зло Чичиковы для нашего времени, и на чьей нынче стороне как автор сам Борис Алексеевич — приснопамятного и совсем недавнего, но хорошо знакомого прошлого или нынешнего и до конца неясного, не очень уверенного в себе настоящего? По Ощепкову получается: если ниспосланные человеку страсти не от самого Чичикова, то они, получается, неизбежны, естественны и даже законны.

Сдаётся, основой для написанного Борисом Алексеевичем текста не были его собственные наблюдения, полезные и просто неоценимые наброски с живой современности, а ведь, извините, тема: «Чичиков — человек на все времена»!

Вот задавшемся этим вопросом наблюдательному Василию Шукшину писательская фортуна улыбнулась во весь рот — в его рассказе «Забуксовал» равнодушной души Роман Звягин однажды как гражданин задумался: *«Кого везут кони-то в „Русь-тройке“? Правильно, этого... Чичикова... Этого хмыря везут, который мёртвые души скупал, ездил по краю. Ёлкина мать!.. вот так троечка»*. И так вот она от России Гоголя прикатила к России счастливой, советской, а спустя чуть более семидесяти лет — к России нынешней. Шукшин будто спрашивает: разве не должен человек задумываться над тем,

что хотел донести до читателей Гоголь, и не повторять бездумно чужое мнение?

И, конечно, большей образности, афористичности, направленности на разговорную интонацию и лексику хотелось бы от текста Бориса Алексеевича. И самое последнее об этой публикации в альманахе этого невозвратно уходящего года. Думается, правильным и к месту вспомнить наставительные слова из первого действия чеховской комедии «Чайка». В диалоге врача Дорна и начинающего писателя Треплева есть такие слова доктора: *«Только то прекрасно, что серьёзно. В произведении должна быть ясная, определённая мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе если пойдёте по этой жизненной дорожке без определённой цели, то вы заблудитесь...»*

Как никогда «урожайным» выдался нынешний альманах на авторов, чьи разные по жанру работы печатаются в этом месяце. Познакомиться с содержимым других любопытных литературных подношений этому изданию в стихах и прозе — совсем нетрудно, если позвонить в редакцию альманаха по телефону 8-905-976-38-93.

Об авторе:

Владимир Петрович МЕЩЕРЯКОВ — из первого поколения послевоенной поры (1946 года рождения), родом из старинного города на берегу Кана, правого притока Енисея. Памятными «отметинами» жизни считает членство в пионерской организации и коммунистической партии, службу в армии, красноярский Крайний Север, где в конце 1980-х стал членом Союза журналистов. В 1973 году окончил истфил Красноярского государственного пединститута (отделение русского языка и литературы) и журналистское

отделение Новосибирской высшей партшколы (ныне филиал РАНХиГС). Работал корреспондентом «Власти Советов» (сегодня «Канские ведомости»), «Заполярной правды», газеты «Экономика и жизнь», на эвенкийском окружном радио, редактором «Канских вестей» и уярской газеты «Вперёд». В настоящее время — редактор отдела критики в редакции «Нового Енисейского литератора». В сухом остатке его журналистской жизни — изданная в издательстве «Красноярский писатель» под редакцией Н. А. Агафоновой книга «Время прощать и прощаться».